

больна и скучаетъ, и ваша шальная компанія какъ разъ ей придется на руку.

— А какъ же, Михаилъ Семеновичъ, —спросилъ тотъ длинный и въ то же время премирный студентъ:—вѣдь наша орава опять, неровенъ часть, забунтуетъ и подыметъ гвалтъ.

— Ничего, ничего, уладимъ какъ-нибудь. Кричать-то очень и сами не станутъ въ комнатѣ у больной женщины,—что ты, мой милый, развѣ жъ это возможно! Не такіе они, въ самомъ дѣлѣ, разбойники. А мы со старухой любимъ ваши препирательства. Чего тамъ, въ самомъ дѣдѣ! Надо говорить правду. Вѣдь я тоже иной разъ поспорю, такъ только держись: ей-Богу, потомъ даже совѣстно становится. И кричишь, и ногами топаешь, и кулаками показываешь,—хотя, правда, только показываешь, знаете, какъ городничій купцамъ въ „Ревизорѣ“. И какая у меня скверная при этомъ манера, —самъ знаю, что скверная, прямо даже подлая,—хватать спорщика за пуговицу, либо напирать на него всѣмъ корпусомъ такъ, что тотъ, несчастный, отступаетъ да отступаетъ, отодвигается да отодвигается, пока, наконецъ, головой не ударится о печку или о стѣну, либо спиной о фортепіано.

И тащитъ хозяинъ всю молодежь въ спальню старухи. Молодежь сначала сдержанно, а потомъ горячо принимается за неоконченный споръ. увлекается такъ, что ужъ ничего и не слышитъ и не видитъ кругомъ себя, только и слышно:

— Да постой, дай мнѣ тебѣ возразить!

— Нѣтъ, я братцы, раньше заявилъ, что хочу возразить,—моя очередь.